

Николай Карташов

Секретная миссия полковника Чернышёва

Бал в доме австрийского посла в Париже был в полном разгаре. Рекой лилось игристое шампанское. Играла музыка. Под звуки вальса кружились пары. Все присутствующие были настолько увлечены танцами, что никто из них даже не заметил, как плохо закрепленные свечи упали на пол, прямо под занавес, который мгновенно вспыхнул. Потом пламя жадно накинулось на драпированные стены, легкие платья дам. Следом загорелась сухая мебель. Началась страшная паника.

- Aidez! (*франц. – Помогите!*)

- Sauvez! (*франц. – Спасите!*)

- Der Horror! Helfen Sie! (*нем. – Ужас! Помогите!*)

- Retten Sie! (*нем. – Спасите!*)

Истошные крики, вопли, стоны на разных языках были слышны чуть ли на окраинах французской столицы. Казалось, еще немного, и обезумевшая толпа сгорит в этом огромном адском костре!

Неожиданно над растерявшимися людьми, словно вырос, молодой человек, лет двадцати пяти. Он вскочил на подоконник и своим громким повелительным голосом заставил людей опомниться, не давить друг друга. Смелчак увлек за собой несколько таких, как он, храбрецов, которые, бросаясь в огонь, начали вытаскивать пострадавших.

На следующий день весь Париж только и говорил о пожаре и о некоем бесстрашном «огнеборце». Одновременно газеты писали, что отважный молодой человек быстро организовал эвакуацию людей и лично вынес из огня пять женщин.

Кто же он? Впрочем, не станем томить читателя, а сразу назовем его имя. Это - Александр Чернышёв, представитель русской дипломатической миссии во Франции.

Не было в Париже человека из высшего общества, который бы не мечтал встретиться с героем. С Чернышёвым почитали за честь познакомиться чиновники, политики, генералы и, разумеется, представительницы прекрасного пола. Великосветские француженки были просто очарованы красавцем из далекой холодной России. Эх, знали бы сановники, генералы и ненасытные в любви француженки, с кем имеют дело! Но, увы, тайна об этом человеке была за семью печатями.

Мы её вскорости откроем, но для начала заглянем в кабинет государя Александра I. В тот морозный январский день 1810 года у него на докладе находился министр военных сухопутных сил России генерал от инфантерии Михаил Богданович Барклай-де-Толи. Разговор был долгий. Министр прибыл к царю с планом создания «Экспедиции секретных дел при Военном министерстве», а другими словами, специальной службы, в обязанности

которой входило бы наблюдение за приготовлениями «соседей» и защита армейских тайн от нескромных посягательств иностранцев.

Михаил Богданович в деталях доложил то, чем должна заниматься новая разведывательная структура. По замыслу министра, ее деятельность следует развернуть на трех направлениях: стратегическая разведка – добыча важных сведений за границей; тактическая разведка – сбор данных о противнике на границах России; контрразведка – выявление и нейтрализация агентуры иностранных спецслужб.

Александр I внимательно слушал министра, иногда что-то уточнял, спрашивал, высказывал свое мнение.

- На трех китах, значит, желаешь поставить службу. Что ж, Бог Троицу любит, - с удовлетворением сказал царь, выслушав доклад.

- Именно так, ваше императорское величество, - отчеканил Барклай-де-Толи, чувствуя понимание со стороны государя.

Царь, действительно, был доволен докладом. Идея создания такого органа давно витала в его голове. Он ясно понимал, что без хорошей военной разведки в будущих войнах не обойтись. А войн России не миновать. Воевать опять придется и скоро. Вот Наполеон, этот толстопузый коротышка, бредит мыслями покорить Россию. Получит по шапке, как получали немцы, поляки, шведы... И разведка в сем поможет!

- Я, кажется, Михаил Богданович, немного задумался, - царь улыбнулся. – Продолжим...

Тут же Барклай-де-Толи испросил у государя высочайшего разрешения на немедленную отправку в заграничные командировки в русские посольства специальных агентов с задачей, чтобы те начали собирать сведения о численности войск, «об устройстве, оборудовании и вооружениях, расположении по квартирам с означением мест главных запасов, о расположении крепостей, способностях и достоинствах лучших генералов и состоянии духа войск». Эти военные агенты должны были находиться при дипломатических миссиях под видом адъютантов при послах-генералах или служащих Министерства иностранных дел.

- В первую очередь, ваше сиятельство, планируем направить секретных агентов в Австрию, Германию, Испанию, Францию, - рапортовал Барклай-де-Толи. – Кандидатуры весьма достойные и благоразумные. Вот список...

Царь внимательно изучил документ, в котором значились следующие офицеры:

- полковник Александр Иванович Чернышев – в Париж;
- полковник Федор Васильевич Тейль фон Сераскернен – в Вену;
- полковник Роберт Егорович Ренни – в Берлин;
- поручик Григорий Федорович Орлов – в Берлин;
- майор Виктор Антонович Прендель – в Дрезден;
- поручик Павел Христианович Грабе – в Мюнхен;
- поручик Павел Иванович Брозин - в Мадрид.

Большинство офицеров из этого списка царь знал лично. Но особенно полковника Чернышёва. Их первая встреча состоялась девять лет назад, в 1801 году в Москве, на балу у князя Куракина. Во время танца рядом с императором оказался симпатичный и находчивый юноша. Это и был Чернышев, который по ходу танца, не смущаясь, отвечал на вопросы своего высочайшего собеседника.

Танец закончился назначением пятнадцатилетнего тезки царя камер-пажом. А уже через год он – корнет кавалергардского полка, через два – поручик, адъютант шефа полка.

Безусловно, стремительному взлету военной карьеры Чернышёва способствовало покровительство царя. Что скрывать – любил его государь. Однако юноша и сам был не лыком шит. Грамотный, смелый, добропорядочный, благоразумный офицер, настоящая «военная косточка» – так характеризовали его командиры и сослуживцы.

Лучшие свои качества он блестяще проявил во время военной кампании 1805-1807 годов, где отличился не только собственной отвагой и военной доблестью, но и смекалкой. За Аустерлицкое сражение Чернышёв получил Владимирский крест 4-й степени с бантом. И не за протирание лосин при штабе, а, как сказано в реляции, «за храбрость в кавалерийских атаках». Вторую награду – Георгиевский крест 4-й степени - ему вручили за найденный им брод через реку Алле, по которому потом переправились на другой берег отступающие русские войска. Благодаря этому были спасены несколько тысяч жизней наших солдат и офицеров. За участие в других сражениях военной кампании молодой офицер удостоился шпаги с надписью «За храбрость». К слову, было нашему герою всего 22 года! Вот вам и царя любимчик!

После заключения Тильзитского мира Чернышёв вернулся в Петербург. В январе 1808 года на придворном балу Александр I, увидев своего крестника, неожиданно его спросил:

- Не расстроит ли твои забавы, если я дам тебе поручение, которое удалит тебя на время из Петербурга?

Ответ Чернышева прозвучал незамедлительно:

- Готов исполнить любую вашу высочайшую волю!

Уже на следующий день император поручил Чернышеву отправиться в Париж и доставить послу графу Толстому пакет с письмом к Наполеону. Это была первая его поездка во французскую столицу. При получении письма император Франции задал несколько вопросов особому курьеру русского царя, и, отвечая, Чернышев произвел своими смелыми и остроумными речами огромное впечатление на Наполеона. Аудиенция длилась больше часа.

О беседе с Наполеоном Чернышёв подробно доложил царю. Тот обратил внимание на несколько точных и интересных наблюдений своего посланца. В 1809 году царь дает Чернышёву поручение – назначает его своим личным представителем в ставке Наполеона во время боевых действий

французской армии против Австрии и Пруссии. В том же году Чернышёв стал флигель-адъютанты, то есть адъютантом самого государя.

И вот новое назначение. Теперь он секретный агент русской военной разведки. «Настоящее ваше поручение должно подлежать непроницаемой тайне, посему во всех действиях ваших вы должны быть скромны и осторожны, - предписывала ему инструкция. – Главнейшая цель вашего тайного поручения должна состоять, чтобы приобрести точные статистические и физические познания о состоянии Франции, обращая особое внимание на военное состояние, а также сообщать о достоинствах и свойствах...генералов».

Лишь несколько человек в России знали о секретной миссии полковника Чернышёва. Для всех остальных он являлся представителем русской дипломатической миссии при посольстве.

Первые донесения от Чернышёва поступили уже в начале августа 1810 года. В конце того же года он сообщил царю, что ««война неотвратима и не замедлит разразиться. Наполеон уже принял решение о войне против России, но пока что выигрывает время из-за неудовлетворительного положения его дел в Испании и Португалии».

Докладывал наш агент и о попытках французского императора привлечь на свою сторону Австрию и Турцию. И, как не удивительно, источником информации стал для него сам Наполеон. Теплые отношения Наполеона с русским дипломатическим посланником не были секретом для окружающих, и это придавало ему вес во французском обществе и позволяло расширять круг полезных знакомств.

«Он вел в Париже, казалось, беспечную великосветскую жизнь, пользовался большим успехом у женщин и, отвлекая всем этим от себя внимание французской полиции, умудрялся иметь почти ежедневно тайные свидания с офицерами и чиновниками французского военного министерства, подкупил некоторых из них», - так писал впоследствии в своих мемуарах о Чернышеве его коллега, русский, а затем советский военный дипломат генерал-лейтенант Алексей Алексеевич Игнатъев.

Действительно, находясь однажды в постели с одной известной парижской дамой (может быть, даже с Полиной Боргезой, сестрой Наполеона), Чернышёв, в перерыве между любовными утехами, узнал от нее, что маршал Даву намерен убыть в Польшу с инспекцией. Поездка высшего военачальника имела конкретную цель – проверить готовность польских вооруженных формирований, мечтающих вместе с французами выступить против ненавистой России. Немедля донесение об этом Чернышёв выслал в Санкт-Петербург.

В другой раз, Чернышёв, беседуя с известным политиком о погоде, выведал у него сведения о том, что маршал Удино приобретает все большее влияние на императора и настаивает на скорейшей кампании за Неманом и Днепром, то есть в России. Вскоре и эта важная информация уже лежала на столе у Александра I.

За короткий срок Чернышёву удалось создать разветвленную агентурную сеть в правительственных и военных кругах Франции. Ему даже удалось завербовать генерала Антуана-Анри Жомини, который впоследствии перешел на службу в русскую армию.

Весьма ценным агентом Чернышёва являлся чиновник военного ведомства Франции по фамилии Мишель. Жадный до денег, чиновник входил в состав специальной группы, которая два раза в месяц готовила лично для Наполеона в единственном экземпляре сводку о численности и дислокации французской армии. Копию этого совершенно секретного документа Мишель передавал Чернышёву, а тот отправлял ее в Санкт-Петербург. Примечательно, сводку Чернышёв держал в руках раньше, чем Наполеон. Вот он, настоящий профессионализм разведчика!

«Зачем не имею я побольше министров, подобных этому молодому человеку», - такую надпись сделал Александр I на полях одного из сообщений Чернышёва.

Слова его оказались пророческими. Забегая вперед, скажем, что светлейший князь Чернышёв станет впоследствии не только военным министром России, но и председателем Государственного совета. Но это уже другая история.

А пока опять вернемся в Париж. Конечно, столь бурная жизнь иностранца не могла ускользнуть от внимания французской контрразведки. За ним установили наблюдение. Приближался роковой 1812 год. Сознавая, что его деятельность становится все более подозрительной в глазах французского правительства, Чернышёв просит отозвать его в Россию.

14 февраля 1812 года он покидает Париж. Французская полиция тут же нагрянула с обыском в его парижскую квартиру. Но, увы! Поиски сыщиков оказались безрезультатными. В камине они обнаружили лишь большую кучу... пепла.

Прибыльщик государя

По улицам и переулкам первопрестольной кружила январская метель. Время близилось к полуночи, и поэтому следы последних прохожих давно уже были занесены снегом. Человек, одетый в теплый овечий тулуп, с трудом пробивался сквозь сугробы. Он явно торопился. У здания Ямского приказа незнакомец остановился, затем постучал в массивную дубовую дверь. Через минуту-другую дверь отворилась. Высунувшаяся оттуда голова заспанным голосом спросила:

- Чего надо?

Человек в тулупе, ни слова не говоря, достал из-за пазухи конверт и, передав его сторожу, исчез в метельной круговерти.

- Шатаются тут всякие, - бросил сторож вдогонку пришельцу.

Потом долго разглядывал принесенный незнакомцем конверт с двумя красными печатями и двумя надписями на нем. Грамоты сторож не знал, но по печатям понял: письмо ценное.

Утром подметное послание было уже в руках дьяка Ямского приказа Павла Васильевича Сулова. Первая надпись на нем гласила: «Вручить сие письмо Федору Алексеевичу Головину», а вторая – «Поднести благочестивому государю нашему царю Петру Алексеевичу, не распечатав». Автором подметного послания был холоп Бориса Петровича Шереметева Алексей Курбатов.

Павел Васильевич Сулов, привыкший читать в основном лишь челобитные и доносы, был немало удивлен тому, что написал слуга знатного боярина. А писал Алексей Курбатов о деле чрезвычайной важности для государства - о введении в России гербовой бумаги, или, как она тогда называлась, орленой.

По его разумению, все частные акты, к примеру, челобитные, сделки на куплю-продажу земли, заемные документы, выписки из официальных бумаг должны составляться не на обычной бумаге, а на бумаге, в правом углу которой помещался герб - двуглавый орел. За выдачу бумаг с орлом, резюмировал Курбатов, надлежит взимать деньги. Если идет речь об оформлении бумаги о крупной сделке на куплю-продажу земли, то и денег за это надобно брать поболее, а за мировую челобитную - поменее. Полученные же средства могут стать хорошим прибытком казне государевой.

Знал - не знал крепостной Алешка Курбатов о том, есть в казенном сундуке деньги или нет, сейчас, через грядущие годы, нам сей факт трудно установить. Но из воспоминаний сподвижников Петра Великого доподлинно известно: казна была пуста - хоть шаром покати! Деньги на строительство регулярной армии и флота, иные важные реформаторские дела тогда уходили огромные и быстро, словно дрова для печей в зимнюю стужу. Покрывать же затраты было все сложнее и сложнее.

- Казна пуста, войско ничем не снабжено, и артиллерии нет, а сие потребно скоро! - в сердцах выказывал Петр своим соратникам.

Как-то он даже целые сутки не выходил из своих покоев. Окружение сперва всполошилось не на шутку: государь занемог! Но причина его затворничества была в другом. Находясь в одиночестве, Петр размышлял о том, где взять денег. Много денег, чтобы залатать бюджет, который напоминал изношенный и затертый до дыр кафтан мелкого, безрублевого чиновника. Раздумья приносили плоды. И финансы не пели романсы.

Это ведь при Петре появились налоги на бороды. Желаете носить бороду - изволь заплатить специальный налог. С купцов брали по сто рублей в год, ямщики и извозчики платили по тридцать, а с крестьянина, имевшего бороду, каждый раз взимали у городских застав по четыре копейки. Заплатившему налог выдавалась и специальная бородовая квитанция. Случалось, иной купец по пьяной лавочке терял сей документ, а с пышной бородой расставаться не хотелось, вот и приходилось ему платить налог по новой. Были еще налоги на дубовые гробы, на дым...

Петр даже порывался убавить в монастырях сокровища в золоте и серебре и натиснуть из них денег. Да начальник Преображенского приказа, он же первый «князь-кесарь» Федор Ромодановский вовремя остановил государя: «Сие дело щекотно, должно придумать иное». И убедил. Впрочем, это уже тема для другого рассказа, мы же продолжим свой.

После прочтения письма Павел Васильевич Суслов немедля отправился на доклад к государю в Преображенское. В дворцовых сенях народу толпилось много - военные, промышленники, купцы, иностранцы... Не пробиться! Но дьяк, воспылав служебной ревностью, решительно подошел к караульному офицеру и произнес заветное:

- «Слово и дело!»

Офицер вытянулся перед дьяком в струнку:

- Идем!

У Петра в тот день болела голова - накануне он крепко гульнул с ближними. Потому встретил дьяка насупленным и колючим взглядом. Морщась, выслушал его доклад, затем мельком прочитал письмо. Потом прочитал еще раз и, забыв о Сулове, стремительно направился в столовую палату, где в ожидании обеда томились его сподвижники.

- Господа министры! - глаза Петра радостно блестели. - Кормишь вас, поишь досыта, а прибыли от вас много ли?.. Вот! - тряс он письмом. - Холоп Шереметева придумал! Обогащение казны! Федор Юрьевич, - обратился царь к дремавшему князю Ромодановскому, - прикажи отыскать и привезти Курбатова сейчас же. Обедать без него не будем...

Царь пребывал в приподнятом настроении:

- Денег нет воевать? Они - вот они - денежки!

Вскороности доставили перепуганного и растерянного холопа, которого царь сразу же крепко обхватил своими крепкими, словно клещи, ручищами и громко облобызал.

- Молодец, чертяка! - не скрывая радости, воскликнул государь. - Доношение твое дорогого стоит! А теперь расскажи мне, братец, как пришел тебе в голову сей прожект.

Польщенный таким вниманием и обхождением, осмелевший Алексей Курбатов за словом в карман не полез и выложил царю все как на духу:

- Боярина своего - батюшку Бориса Петровича Шереметева сопровождал я по разным заграницам. Был с ним в польских землях, в Вене и Риме, а також на Мальте. Там и увидал, что с бумаг гербовых у прусаков и итальянцев всякую плату берут в пользу казны. А чем же мы, русские, государь наш Петр Алексеевич, хуже каких-то итальяшек?! Деньги-то под ногами валяются!.. Бери - не хочу!..

Пора между тем подробнее представить читателю нашего героя. Алексей Александрович Курбатов происходил из крепостных крестьян. Но о его детстве, как и дате рождения, донныне никто ничего толком не знает. Все сгорело в топке времени! Несколько больше известно о нем, когда он состоял в холопах у Бориса Петровича Шереметева - родовитого боярина, дипломата. И полководца, которому Россия обязана своими первыми военными

победами. Шереметев был умен, рассудителен, осторожен, наперекор рассудку никогда не шел и не рисковал, очертя голову, как карточный игрок. Воровал Борис Петрович тоже умеренно. Настолько умеренно, что объемы украденного не вызывали ни у кого из окружающих зависти. Правда, любил фельдмаршал иногда побрюзжать, но никогда не отлынивал от поручений царя, всегда с чувством долга их выполнял.

- Мы России и государю своему привержены, - частенько повторял он.
- На том и стоим!

Смышленный холоп перенял от своего хозяина как хорошее, так и плохое. Что касается образования, то грамоте Алешка также был обучен. И весьма основательно. Не в пример некоторым оболтусам из боярских и купеческих семей. Если тех постоянно взбадривали розгами и подзатыльниками за то, что они не утруждали себя науками, Курбатов, наоборот, получал выволочки за чрезмерную тягу к оным. По части знаний математики, языка и географии он мог заткнуть за пояс любого и каждого - хоть царского вельможу, хоть чиновника из Ямского приказа.

Именно Курбатов вел записи Шереметеву, когда сопровождал его во время полуторогодичного заграничного путешествия. Путевые заметки стали книгой, которая была опубликована под названием «Записки путешествия». В «Записках...» содержится много интересного и любопытного. Читая их сегодня, нельзя не поражаться наблюдательности автора, цепкости его взгляда. Кажется, он не пропустил ни одной детали, ни одного штриха из увиденного и услышанного за рубежами родной земли.

Вот, пожалуйста, читайте: "В бытность боярскую в Неаполе тутошние жители два дни были в великом страхе и ужасе от горы Везувий, горящей непрестанно, потому что в те два дни превеликой из иной горы исходил огонь, был гром, треск и шум и кидало вокруг горы мили на три и на четыре большие огненные каменя, многие же с той горы протекли огненные лавы, причем живущих около сей горы пожгло, побило и переранило каменьями многих людей, так же и всякие пожгло заводы, от чего в город Неаполь збежалось народу с тритцать тысяч".

Зорким оком сокола он даже подметил, сколько блюд и бутылок вина подавалось на стол во время приемов Шереметева иностранными дворами: «отдавая почесть... угощали сахарами и конфектами на ста осмидесяти блюдах, а вином - в 60 бутылках». Столь же подробно рассказывает Курбатов о посещении ими в Риме госпиталя и приюта. В госпитале их поразило то, что там "всякому особливые учинены постели мягкие и всякая нужда больным и за всяким ходит особливый человек». Еще больше изумил приют, где находилось более двух тысяч «девок больших и малых», и у каждой из них – «особая постеля с белыми простынями».

Для русского человека, привыкшего ходить в лаптях и спать на голых досках, укрывшись овчиной, конечно, «особая постеля» да еще с «белыми простынями» была такой же невидалью, как для людей нашего времени, скажем, лазер. Что ж, оставалось только восклицать, глядя на разные иноземные чуда:

- Живут же люди!

В «Записках...», однако, ничего не сказано о гербовой бумаге. Похоже, слуга сию тайну носил при себе, о которой по приезде с чужбины доложил сначала письменно, а затем и устно Петру I.

Встреча с государем круто повернула судьбу умного и сообразительного холопа. Вышло как в известной поговорке: из грязи да попал в князи. С легкой руки Петра I Курбатов тут же был назначен первым прибыльщиком, которому предписывалось, как засвидетельствовал один из современников Иван Желябужский, сидеть и «чинить государю прибыли».

Не стало дело и за царским указом о введении в государстве гербовой, или орленой, бумаги: на свет он появился через четыре дня после обнаружения подметного письма. В документе прямо говорилось: «Для пополнения своей, великого государя, казны». И дальше шел расклад, за оформление каких орленых бумаг и сколько надо было платить. Речь шла о копейках. К примеру, если акт составлялся на сумму менее 50 рублей, то стоимость бумаги составляла 4 копейки. А если сделка оформлялась от 50 рублей и выше, то сумма сбора уже оценивалась в 10 копеек. Была также такса для некоторых бумаг ценой в половину копейки.

Но курочка по зернышку клюет... Уже через некоторое время не тягостные для народа копеечные сборы с орленой бумаги сложились в десятки, сотни и тысячи рублей, так необходимые России молодой на пушки, на ружья, на флот...

- Сколько же прибыли принесла нам орленая бумага? - спросил вскоре Петр своего первого прибыльщика.

- Пятьдесят тысяч рублей чистого дохода! - с гордостью доложил тот государю.

За эти «многосотные тысячи рублей» прибыли царь пожаловал Алексея Курбатова новой должностью - определил его на службу в Оружейную палату. А вскорости доверил ему ее и возглавить. Это заведение в ту пору являлось центральным государственным учреждением России. Оно ведало изготовлением, закупкой и хранением оружия, драгоценностей, предметов дворцового обихода.

Должность Курбатова имела много соблазнов. Ох, скольких людей она погубила! Да и не могла не погубить. Сидеть на злате и не насыпать себе в карман хоть пригоршню этого самого злата, значит, не быть сыном своего времени. Воровство испокон века на Руси-матушке считалось, да и поныне считается, занятием обыденным, привычным. Равно, как обед или сон. И вряд ли кто станет оспаривать этот факт. Что есть, то есть! Но может показаться странным: Курбатов не поддался искушению. Находясь несколько лет во главе Оружейной палаты, в казнокрадстве замечен не был.

Потому, наверное, царь и поручил ему возглавить Ратушу - ведомство, занимавшееся решением важных государственных задач, в том числе и сбором податей. Назначая Курбатова обер-инспектором на Ратушу, государь особо велел «рассмотреть Ратушу со всеми ее околичностями и что возможно еще прибавить прибыли без тягости народа».

На сием поприще Алексей Александрович опять старательно «чинил государю прибыли». Благодаря его усердию в 1705 году питейный сбор только по одной белокаменной увеличился на 112 тысяч рублей. Для казны это было большим прибытком.

- Ох, высоко взлетел, Лексей Лександрыч! - без всякой зависти сказал ему как-то Иван Хрипунов, четыре года служивший под началом Курбатова в Оружейной палате. - А не свалишься?..

- Что взлетел, верно говоришь, - ответил, глядя сослуживцу в глаза, Курбатов. - Но я не боярский отпрыск и зады никому не целовал. Чины и звания лбом своим прошибал!

Меж тем что-то тревожное вспыхнуло в глазах первого российского прибыльщика, словно взял он грех какой-то на душу. Переведя взгляд на стоявшую в углу своих домашних апартаментов дорогую китайскую вазу, поднесенную ему намедни чиновниками из провинции, Курбатов грустно-задумчиво произнес:

- А падать буду - может, соломку кто постелит...

Грешки, пусть и невеликие, за Курбатовым уже водились. По примеру своего боярина Бориса Петровича Шереметева он потихоньку стал запускать руку в казенный карман, да и подношениями разными не брезговал. Брал, как и Шереметев, скромно, умеренно. Может, потому сказал он Ивану Хрипунову и про падение, и про соломку. Намекнул как бы. Петр же доверял Курбатову, продолжавшему проявлять ту же ревность о государственных прибытках, как и прежде. В 1711 году, когда Ратуша утратила свое значение, прибыльщик был послан государем вице-губернатором в Архангельск. Порядок навести, подати собрать и недоимку сократить.

Курбатов по приезде в Город, как тогда называли Архангельск, весьма рьяно взялся за новое дело. Помимо заботы о казенных прибытках, он вводит усовершенствования в охрану и оборону гарнизона, строит корабли, устраивает госпитали, конские заводы. По собственному почину посланник государя завел в Архангельске первую губернскую начальную школу, набрав туда сорок солдатских детей и сирот. Но накопил массу злоупотреблений со стороны местных чиновников и купцов. Особенно много злоупотреблений выявил он в делах агента Александра Меньшикова Дмитрия Соловьева. Последний вопреки царскому указу, запрещавшему вывозить хлеб за границу, продавал в Голландию.

- Россия голодает, а ты, сукин сын, хлеб иноземцам за бесценок сбываешь, - тряс Курбатов Соловьева за грудки. - Под царский суд пойдешь!

- Не шибко-то пугай, - молвил в ответ агент. - Неизвестно, кто из нас первым под суд пойдет...

Вскорости из столицы по указу Петра для расследования дела Соловьева прибыл гвардейский офицер Михаил Волконский. Но параллельно началось расследование и дела самого архангелогородского вице-губернатора. Покровитель Соловьева всесильный Меньшиков, которого еще недавно с Курбатовым, казалось, водой не разольешь, встал на тропу войны.

В столице у Курбатова были высокие покровители, и поэтому он вел себя по отношению к следователю вызывающе. Не являлся на допросы, без ответа оставлял письменные запросы Волконского.

Свое негодование он, как свидетельствует известный историк Н. Павленко, изливал кабинет-секретарю Петра I Макарову: «Господин маэор князь Волконский подавал мемориал на Москве в Сенате. Ежели по Соловьеву розыску надлежит мене допрашивать или взять скаску, или дать очные ставки, дабы я ему в том был послушен. И по ево желанию, жалея меня, и учинили. Разсуди, мой милостивый государь, каковая ко мне милость - не во ино что тщатся, точно безславие мне в народе зделать. То ли моя вина, что, всякой страх оставя, писал на Соловьева, видя ево неправость, за что было меня их милости, яко верным сущим, надлежало любить, а они начали губить».

Жаловался на Курбатова и Волконский: «Только что, государь мой, за чем не посылаю указы, ни на что отповедывания нет». В другом письме Макарову гвардии майор сокрушался по поводу полного игнорирования подследственным его распоряжений: «Не знаю, что мне и делать».

Вряд ли Курбатов вел бы себя столь заносчиво, если бы не рассчитывал на безоговорочную поддержку Макарова. Из его писем кабинет-секретарю явствует, что он согласовывал с ним каждый свой шаг: либо спрашивал совета, следует ли ему подавать доношение на имя царя, либо интересовался отношением царя к уже поданному доношению, либо, наконец, просил Макарова, чтобы тот «председательствовал» и за него перед царем и защитил его от всяческих «турбаций».

В первые годы работы следственной комиссии Курбатов пытался убедить всех и вся в своей невиновности. «Ей, ей, - писал он Макарову, - ни в чем же (при помощи божи) надеюся быти виновен, разве что по неведению многих ради моих суетств учиних, и в том, уповаю на бога, едва сыщется».

Виновником своих бед Курбатов считал Волконского, якобы предвзято к нему относившегося: «Не бегу от правосудия царска, но к нему прошуся, а он - злоковарной лукавец и, всякие неправды исполненный, явно от того правосудия бежит». Курбатов в эти годы вел себя так, будто он стал жертвой недоразумений, что все в скором времени образуется и возведенные на него обвинения развеются в прах.

Между тем следствие вскрывало новые и новые факты злоупотреблений вице-губернатора. Тучи над Курбатовым сгущались. И он был вынужден обратиться за защитой к самому государю. В письме к Петру I прибыльщик напомнил о своих прежних заслугах: о том, что его предложение о введении гербовой бумаги дало казне 50 тысяч рублей дохода; о том, что он, будучи руководителем Ратуши, увеличил питейный сбор на 112 тысяч рублей; о том, что в Архангельской губернии собрал податей сверх оклада 300 тысяч рублей.

Однако былые заслуги ни царь, ни следственная комиссия в счет не приняли. Было доказано, что с 1705 по 1714 год Курбатов присвоил 16 422

рубля казенных денег. Над Курбатовым нависла угроза быть казненным через повешение. Такая кара уже постигла сибирского губернатора Гагарина, обер-фискала Нестерова... И лишь скоропостижная смерть спасла первого российского прибыльщика от позора.

«Здесь все наши!»

В середине 90-х я служил в Федеральной службе налоговой полиции. В один из дней ко мне в гости заглянул полковник Н., сотрудник отдела международного сотрудничества, а в недавнем прошлом офицер Службы внешней разведки. К слову, в разведке бывших сотрудников не бывает.

Взглядом профессионала Н. окинул мой скромный кабинет, интерьер которого состоял из письменного стола, книжного шкафа, вешалки и нескольких стульев. Дополнял этот вид висевший на стене выцветший от времени плакат «Болтун – находка для шпиона». Похоже, Н. остался доволен осмотром моего пристанища и обстановкой в нем.

Потом его взор остановился на столе, на котором были разложены несколько свежих номеров газет и небольшая стопка книг. Книга из этой стопки - «Рука Москвы», лежавшая сверху, и привлекла внимание гостя. Когда он брал ее в руки, его лицо даже как-то изменилось, светлее стало что ли.

Перемена в поведении моего коллеги была вполне объяснима: Н. держал книгу своего начальника - руководителя Первого главного управления (ПГУ) КГБ СССР генерал-лейтенанта Леонида Владимировича Шебаршина. Дальше – еще интересней. Раскрыв обложку, он увидел на титульном листе надпись: *«Николаю Карташову с добрыми пожеланиями автора. Шебаршин. Ноябрь. 94».*

Вопрос не заставил себя долго ждать.

- Так вы тоже наш? – прозвучало из его уст.

За ответом тоже дело не стало.

- Здесь все наши!

Я нисколько не покривил душой. В здании на Маросейке, 12, где располагалась в то время штаб-квартира налоговой полиции, все, действительно, были наши. Под словом «наши» я имел ввиду офицеров из разных силовых ведомств, которых собрала под своим знаменем новая спецслужба по борьбе с «беловоротничковой» преступностью.

Однако продолжу рассказ о книге и ее авторе. Мой коллега, полковник Н., прослуживший не один год под началом генерала Шебаршина, был самого высокого мнения о своем руководителе:

- Настоящий профессионал, не чета всяким Бакатиным, Севостьяновым... У любого нашего спроси, он скажет, что Шебаршин -

первый настоящий профессионал во главе советской разведки и последний профессионал в руководстве «Конторы».

...Будущий руководитель одной из самых мощных разведок мира родился в Москве в простой рабочей семье. В его жизни, как он вспоминал впоследствии, были война, голод, бедность, то есть «обычный набор обычного русского человека» его поколения.

После окончания средней школы Шебаршин собирался стать летчиком-инженером, сдал даже документы в Военно-воздушную академию имени Жуковского, но забраковала медкомиссия. Тогда его выбор пал на Институт востоковедения, куда он, золотой медалист, был зачислен без экзаменов. Так в жизнь Шебаршина навсегда вошел Восток с его мудростью и коварством, гостеприимством и жестокостью.

А в разведку Шебаршина привела романтика, вернее, романтическое представление об этой профессии. И хотя он вскоре убедился, что на практике разведка - это тяжелый, кропотливый и не всегда благодарный труд, о выборе жизненного пути не жалел никогда. Конечно, не обошлось и без разочарований, но они возникали не по поводу избранной профессии, а по поводу собственных действий, когда обстоятельства или что-то иное не позволяли достичь нужных результатов. Пакистан, Иран, Индия, Афганистан – вот страны, где Шебаршин проработал не один год, став профессионалом высочайшего уровня.

Как вспоминал его сослуживец и друг генерал Николай Леонов, среди своих коллег Шебаршин выделялся ненасытной страстью к чтению. Все свободное время за рубежом он проводил в букинистических лавках, отрывая от скромной зарплаты деньги на приобретение страноведческой литературы. Зная его «слабость», друзья всегда дарили ему книги. Такого книгочехя нынче уже не сыскать днем с огнем на российских просторах. С этим огромным запасом знаний Шебаршину без труда удавалось заводить связи в самых высоких сферах в странах, где ему доводилось работать. Как разведчику, ему всегда сопутствовала удача и успех.

О назначении разведки Шебаршин в одном из своих немногих интервью сказал так: «Сильная разведка, так же как и вооруженные силы, - это символ мощи государства. Она необходима для принятия руководством страны обоснованных решений по политическим, военным, экономическим и другим вопросам. Меняются приоритеты, но главная функция разведки остается неизменной и в периоды «горячих» и «холодных» войн, и в мирное время: добыча информации, которую держат втайне противники или партнеры по международным отношениям. Альтруизма в политике не существует. А пока в мире есть экономические, национальные, территориальные противоречия, гонка вооружений, задача разведки – знать планы и потенциал сил, действующих на международной арене, своевременно выявлять угрозы нашим государственным интересам».

О самой же профессии разведчика Шебаршин говорил как о труде, который не заметен широкой публике. «Конспирация как принцип и условие деятельности разведки, - писал он, - рождает профессиональное

качество - скромность. Это важное, но не единственное требование к разведчику... Важнейшим требованием является верность и преданность Родине, честность, порядочность, трудолюбие, ответственность. Необходимое качество разведчика - психологическая устойчивость, умение ориентироваться в сложных ситуациях и принимать, когда это необходимо, нестандартные решения».

Всеми этими качествами в полной мере обладал Шебаршин. Поэтому ему, настоящему патриоту, было больно смотреть, как в 1991 году гореполитики предательски рушили историческое государство, ее станковые хребты – армию, органы безопасности. Подливали масло в огонь прозападные СМИ, требуя расправы над кадрами разведки, над теми, для кого Родина была превыше всего.

1991 год стал поворотным в судьбе генерала Шебаршина – он принял решение уйти в отставку. Как человек в погонах, подал рапорт на имя нового председателя КГБ Вадима Бакатина, человека весьма далекого от разведки, присланного тогдашним Президентом России Борисом Ельциным на Лубянку, чтобы «развалить КГБ». Именно Бакатин своими действиями нанес непоправимый ущерб интересам безопасности страны.

Шебаршин писал: «...В прошлом, как известно, существовала практика назначения должностных лиц, в том числе и в ПГУ КГБ, под нажимом аппарата ЦК КПСС или по протекции. В последние годы ценой больших усилий эту практику удалось прекратить. С горечью убеждаюсь, что она возрождается в еще более грубой и оскорбительной форме... Эта практика, уверен, может погубить любые добрые преобразования. Судя по тону вашего разговора со мной по телефону 18 сентября с.г., вы считаете такую ситуацию вполне нормальной. Для меня она неприемлема».

Копии рапорта были направлены М.С. Горбачеву, Б.Н. Ельцину и С.В. Степашину.

23 сентября Шебаршин в последний раз вошел в свой просторный кабинет, за окнами которого золотилась березовая роща. Защемило сердце. Этот кабинет он занимал почти три года, проводил в нем по 13-15 часов в сутки, работал в выходные дни, переживал радости и горести, читал тысячи документов и беседовал с сотнями людей. Шебаршин неторопливо собрал в коробки личные вещи, книги, снял со стены афганский пейзаж...

Отставка начальника ПГУ очень устроила председателя КГБ. Но особенно радовались развалу органов безопасности и уходу профессионалов заокеанские «друзья», о чем свидетельствует посещение в том же сентябре 1991 года Комитета государственной безопасности госсекретарем США Д. Бейкером.

Визит был представлен как историческое событие. Еще бы! Сам госсекретарь США в штаб-квартире КГБ ведет дружескую беседу с председателем КГБ В. Бакатиным. Каждое слово, каждый жест того визита в святую святых русской разведки фиксировали несколько десятков репортеров. С довольного лица Бейкера не сходила улыбка. Как, впрочем, и с лиц его сопровождавших. Но это уже другая история.

Выйдя в отставку, Шебаршин с группой бывших коллег по службе в разведке создал небольшую консалтинговую компанию под названием Российская национальная служба экономической безопасности и до самой своей смерти оставался ее президентом.

К слову сказать, именно эта компания в лихие девяностые помогла многим предпринимателям уберечься от мошенников и преступников. Десятки бывших сотрудников разведки, которых «ушли», обрели новое место в жизни благодаря помощи Шебаршина. Кто-то из коллег как-то пошутил: «Леонид Владимирович! Вы нашли самое надежное и прочное место в вашей жизни. Вы 20 лет руководите фирмой, дольше, чем на любом посту в разведке!»

Да, жизнь продолжалась, но боль за страну не оставляла его сердце. С выходом в отставку у Шебаршина уже не было возможностей что-либо изменить. Тогда он взялся за перо. Книга «Рука Москвы» (Записки начальника советской разведки) - дебют Шебаршина на литературном поприще. Но он оказался удачным.

В этой книге, а ее можно назвать мемуарной, автор интересно рассказал о своей жизни и деятельности на протяжении более чем тридцати лет; о событиях, вызвавших крупнейшую геополитическую катастрофу XX века – развал огромной страны под названием Советский Союз. Ценность книги состоит и в том, что Шебаршин правдиво написал картину жесткого противостояния советской разведки и западных спецслужб, а также роль последних в гибели СССР и установления новой политической системы в России.

За «Рукой Москвы» Шебаршин написал «Из жизни начальника разведки», «И жизни мелочные сны», «Хроника безвременья». Каждое из этих произведений подкупает своей искренностью и честностью. По-другому и быть не могло. Сам автор - из разряда честных и преданных Отечеству людей.

А еще он был потрясающим мастером афоризмов, которые весьма актуальны в наше непростое время. Впрочем, судите сами: «ООН не может одобрить ни географическое положение, ни климат, ни историю России»; «Выяснилось, что «общечеловеческие ценности» полностью совпадают с национальными интересами США»; «НАТО будет защищать иностранные инвестиции в России. Поэтому она и расширяется»; «Позиция США: Россия может быть великой державой, но только очень маленькой».

У Шебаршина было все - но все скромное и простое. Жил он в небольшой «двушке», ездил на старенькой «Шкоде»... Первый настоящий профессионал во главе советской разведки и последний профессионал в руководстве КГБ...